

УДК 94(470.6)

DOI: 10.35330/1991-6639-2023-6-116-354-365

EDN: YXVUCS

Научная статья

«Бог дружбы да накажет злодея!»: заметки к семантическому напряжению («подданство» vs. «хьэщIагъэ») в пространстве российско-черкесского политического взаимодействия в XVIII в.

Т. А. Алоев

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. При каждой смене сопредельного соседа в ходе расширения своих границ на протяжении позднего Средневековья и Нового времени Российское государство вступало в определенные отношения с новыми акторами. С начала XVIII в. на юго-восточных рубежах оно устанавливало связи с политиями, существенно (в большинстве случаев на порядок) уступавшими ему территориально, экономически, демографически, и как следствие в объеме военного потенциала. Принимая во внимание и не терявшую своей актуальности идеологическую компоненту (востребованность на начальном этапе концепции «Москва – третий Рим» и последующая апроприация идеи «цивилизаторской миссии» на евразийских просторах) в проведении российского продвижения, объяснимо упорное стремление Москвы/Петербурга трактовать эти отношения как вступление в подданство, т.е. как безусловное включение в состав государства. Современная историография достаточно скептически в отношении адекватности подобных риторических оценок и признает концептуальные искажения, проистекающие из опоры лишь на интерпретацию имперских структур. В этой связи ведущие специалисты на протяжении продолжительного времени артикулируют необходимость коррекции исследовательской оптики за счет привлечения к научному анализу источников индигенного происхождения. Настоящий текст обращен к решению этой задачи посредством изучения конкретного кейса взаимодействия Российской империи и крупнейшего черкесского княжества – Большой Кабарды – в XVIII в. Расширение круга анализируемых источников, раскрывающих «аборигенную» трактовку сути коллизий с модернизирующейся империей, позволяет приблизиться к более сбалансированному представлению о характере взаимоотношения сторон.

Ключевые слова: куначество, хьэщIагъэ, подданство, покровительство, гостеприимство, союзничество, Кабарда, черкесы, Российская империя, границы, политика

Поступила 25.10.2023, одобрена после рецензирования 13.11.2023, принята к публикации 21.11.2023

Для цитирования. Алоев Т. А. «Бог дружбы да накажет злодея!»: заметки к семантическому напряжению («подданство» vs. «хьэщIагъэ») в пространстве российско-черкесского политического взаимодействия в XVIII в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2023. № 6(116). С. 354–365. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-6-116-354-365

Original article

“The god of friendship punish the villain!”: notes on semantic tension (“allegiance” vs. “kheshiagye”) in the space of Russian-Cherkassian political interaction in the 18th century

T.A. Aloev

Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

Abstract. With each change of adjoining neighbor in the course of expanding its borders throughout the late Middle Ages and Modern times the Russian state entered into certain relationships with new actors. From the beginning of the 18th century it established connections in the southeast with polities significantly inferior to it territorially, economically, demographically and, as a consequence in volume of military potential. Taking into account the ideological component that has not lost its relevance (the demand at the initial stage for the concept of “Moscow is the third Rome” and the subsequent appropriation of the idea of a “civilizing mission” in the Eurasian expanses) in the conduct of Russian promotion, the persistent desire of Moscow/St. Petersburg to interpret these relations as allegiance, i.e. as unconditional inclusion into the state. Modern historiography is quite skeptical about the adequacy of such rhetorical assessments and recognizes the conceptual distortions resulting from relying only on interpretations of imperial structures. In this regard leading experts have been articulating the need to correct research optics for a long time by involving sources of indigenous origin in scientific analysis. This text addresses this problem by studying a specific case of interaction between the Russian Empire and the largest Circassian principality – Great Kabarda in the 18th century. Expanding the range of analyzed sources that reveal the “indigenous” interpretation of the essence of conflicts with the modernizing empire allows us to get closer to a more balanced view on the nature of the relationship between the sides.

Keywords: kunachestvo (consecrated friendship), kheshiagye, allegiance, patronage, hospitality, alliance, Kabarda, Circassians, Russian Empire, borders, politics

Submitted 25.10.2023,

approved after reviewing 13.11.2023,

accepted for publication 21.11.2023

For citation. Alov T.A. “The god of friendship punish the villain!”: notes on semantic tension (“allegiance” vs. “kheshiagye”) in the space of Russian-Cherkassian political interaction in the 18th century. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS.* 2023. No. 6(116). Pp. 354–365. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-6-116-354-365

Поход крымцев в Кабарду в 1731 г. оказался неудачным. Очередной провал кампании (предыдущая неудача имела место в 1729 г.) подогревал реваншистские замыслы в Бахчисарае. Обострение крымско-черкесского противостояния обеспокоило пристально следившее за развитием событий российское правительство. Со времен Персидского похода не урегулировавший свои отношения с Исфаганом Петербург опасался негативных для себя последствий нарастающего напряжения. В сложившихся условиях возобновление натиска ханских войск на Большую Кабарду представлялось весьма вероятным, и, принимая во внимание разность военных потенциалов противоборствующих сторон, благоприятный для черкесов исход не выглядел обеспеченным. В случае же неудачного отражения агрессии черкесские правители де факто оказывались в сфере влияния Крыма, что неизбежно ослабляло российские позиции в регионе. Поэтому, не полагаясь на удачу, Петербург предпринял превентивные шаги по недопущению дальнейшей эскалации и довел до Порты возможные последствия устремлений своего вассала. Как отмечал С. М. Соловьев, в контексте этих перипетий «с осени 1731 года у России начинаются [дипломатические] столкновения с Турцией» [1, с. 280]. Так как общая конъюнктура не располагала в это время к решительному разрыву (в основном из-за войны с Персией) со стороны Порты, в Коллегии иностранных дел была признана перспективной попытка урегулировать конфликт посредством предъявления документальных «доказательств» давнего подданства Кабарды Российскому государству. Частью подготовки необходимого алиби со стороны внешнеполитического ведомства стали разыскания по данному предмету в архивах российских крепостей на Кавказе. Вскоре в Петербурге получили «изъяснение о кабардинских народах» из крепости Святого Креста. В нем, в частности, отмечалось следующее: «По указу е. и. в. с привезенными в крепость Святаго Креста ис Терка письмами (которые имеются токмо со 194 году (т.е. 1686 г. – Т.А.), а далее того которые были, те тамо в приказной избе погорели) справливанось о приходе Большой и Малой Кабард в российское подданство и найдено, что со 194 нынешняго 732 году, по май месяц, к бывшим терским

воеводам и в крепость Святого Креста от кабардинских владельцев к генералитету в письмах, которые оригинальные с переводами имеют, они, кабардинцы, упоминали о верном подданстве их к Российской империи, и ныне имеются» [2, с. 63]. Действительно, в источниках фиксируются неоднократные случаи использования слова *подданство* в переписке между конфиденцентами из России и Большой Кабарды.

Для определения функционального наполнения этого понятия не обойтись без обращения к наработкам современной историографии.

В научной литературе вопросу изучения трактовок *подданства* уделено довольно пристальное внимание. Согласно преобладающему мнению, проникновение этого понятия в русский политический обиход происходило через польский язык (*poddany poddaczstwo*), а источником является латынь (*subditus*). В литературе такой взгляд не принимается безоговорочно. Но не вдаваясь в этимологические разночтения, в качестве отправного пункта обратимся к важному наблюдению М. Бруна, отмечавшего, что в строго юридическом смысле институт подданства сформировался лишь в Новое время [3, с. 70–73]. Спустя десятилетие определенным аспектам *подданства* (впрочем, остающимся вне интереса настоящей работы) была посвящена работа В. М. Гессена [4]. После длительного перерыва плодотворные изыскания в данном направлении возобновились на излете столетия. Так, на выявлении векторов и динамике семантических изменений понятия *подданный* до начала и в период модернизационного рывка в начале XVIII в. сосредоточился С. М. Каштанов [5, с. 217–229].

Эволюции представлений о политических реалиях и способам их вербального оформления посвящены работы Е. Н. Марасиновой. Автор, в частности, резонно замечает, что «законодательные акты очень часто отождествляются с реальной действительностью, в то время как они являлись чаще всего лишь идеальной программой самодержавия и далеко не всегда выполнялись на практике» [6, с. 3–16]. В течение последующего десятилетия были существенно углублены познания о динамике «политической терминологии и смысловых полях, в которых выстраивались и функционировали отношения власти и личности в России XVIII». Ввиду того, что работа была нацелена на выявление механизмов социального контроля через регламентацию посланий на высочайшее имя, не связанных с пограничьем и периферией в широком смысле, вне авторского внимания оказалась проблематика «подданства» в контексте взаимоотношений Российского государства с порубежными политиями [7]. Этот недостаток во многом был скомпенсирован изысканиями В. В. Трепавлова, опубликовавшего в промежутке между двумя работами упомянутой исследовательницы обстоятельную монографию «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв.». В четвертой главе книги под названием «Подданство подлинное и мнимое» автор скрупулезно вскрывает формы проявления противоречий «между правительственной и «аборигенной» трактовками зависимости от Центра» в многочисленных регионах Северной Евразии от Поволжья до Тихого Океана [8, с. 197]. Относительно рассматриваемого региона в работе отмечается, что «Северный Кавказ, строго говоря, не должен присутствовать» в тексте, «так как в рассматриваемый период XVI–XVIII вв. большая его часть не входила в состав Российского государства» [8, с. 184]. Коснулся же он, по собственному признанию, этой проблематики «лишь затем, чтобы показать, насколько условными и зыбкими оказывались в те времена представления о подданстве» [8, с. 185].

Представления западных авторов вполне согласуются с подобными оценками. Авторитетные исследователи имперского наследия А. Рибер и Р. Г. Суни, опираясь на изыскания признанного специалиста в вопросах истории сосуществования различных политических агрегаций Северной Евразии М. Ходарковского [9, с. 107–108], писали о модусах взаимодействия империи Романовых с соседними политиями «путем подписания соглашений или принятия присяги на верность, что допускало двойственные толкования» [10, с. 61], в которых князья Кабарды «считали себя равными царю, в то время как русская сторона неизменно трактовала соглашения как подчинение младших правителей русскому сувере-

ну» [11, с. 53]. Взгляды не менее известного автора А. Каппелера конгениальны вышеприведенным выводам. Он обращал пристальное внимание на принципиальные различия в трактовках подданства, сопровождавшие политическое взаимодействие расширявшейся российской державы и региональных государств в Новое время. Если последние рассматривали договоры как соглашения о военном сотрудничестве (временами близком к союзнничеству), часто носившем ситуативный характер, то в российской столице склонны были усматривать в них платформу для движения к безусловному подчинению и покорности русскому самодержцу [12, с. 23, 36].

Видимо, автор, испытавший в ходе своих изысканий определенный дефицит источников (что, кажется, вменялось ему в упрек), довольно рано ставил задачу выяснения «реакции нерусских» на далеко идущие стратегии «Московии» в их отношении и насколько региональные акторы «принимали чужеземное владычество и сотрудничали с правительством или же оказывали сопротивление» [13, с. 6]. Она не была решена и спустя десятилетия. Поэтому вышеупомянутый В. В. Трепавлов относительно недавно заново проблематизировал необходимость преодоления «одностороннего» взгляда на характер складывавшихся отношений Российского государства с порубежными политиями через выяснение «точки зрения противоположной стороны» [8, с. 8]. Из такого положения проистекает и побудительный мотив настоящего текста, направленного на попытку коррекции историографической оптики через реконструкцию черкесского взгляда на характер взаимоотношений с Россией в XVIII в.

Исходя из того, что установки наиболее явственно проявляются в ситуациях конфликта, анализ содержательного смысла отношений, сложившихся между Большой Кабардой и Российской империей, уместно начать с документа, датируемого 1772 г. Как известно, в условиях продолжавшейся российско-османской войны Петербург организовал казуистическую передачу прав на Кабарду уже поверженному Крыму (Карасубазарский договор). Для всех заинтересованных акторов было понятно, что подобный шаг направлен на подчинение княжества самой России. В этих условиях черкесские князья обратились к османскому султану. Апеллируя к вышеупомянутому периоду осложнения отношений с Крымом начала века, авторы письма, в частности, объясняли следующее: «А около сорока или пятидесяти [лет назад] из наших господ ханов (черкесские правители назывались *пцы*; здесь же наблюдается ошибка переводчика. – Т.А.), пришед в страх к московскому королевству преклонились. И все мы у них *гостями* себя признавали и так до сего времени ни от хана... ниже со стороны московской королевы, никакого притеснения не видали. А ныне от московской королевы письмо получено, в котором явствует, что мы уже их собственными подданными рабами находимся. Мы же до такого времени у них себя *гостями* почитали. Но как видно, что они нас в подданство свое вовсе принять вознамерились. Притом же по некоторой причине из наших один или два бея к нечестивым московитам склонность возымали. Но мы, напротив того будучи не в силах учинить сопротивление, после того призвав бога в помощь, весь магометанский народ в одно место собравшись объявил(и), что мы де под властью москвитян быть не желаем» [14, с. 125]. Принимая во внимание актуальную на тот момент повестку и вытекавшую из нее политическую прагматику при обращении черкесских князей к мусульманскому владыке, вполне можно заподозрить авторов письма в предвзятой интерпретации отношений, сложившихся у них с христианским противником Порты. Для корректного суждения на сей счет целесообразно выяснить, насколько письма, адресованные российским конфидентам, консонировали с содержанием вышеприведенного обращения к султану. Так, на входе в это турбулентное десятилетие – в 1768 г. – на ультимативное письмо кизлярского коменданта один из черкесских князей Кайтуко Эльбаздуко ответил: «Мы не холопы ваши, а *канаки* е. и. в. Всероссийской государыни» [15, Л. 4.]. О том, что данное высказывание нельзя свести к эмоционально окрашенной реплике (хотя его экспрессивность очевидна, и несколько позднее

сама императрица оценила это как: «Прежде наблюдаемая с вашей стороны пристойность в представлениях прошений, и в переписке по разным делам с пограничными нашими начальниками обратилась в грубость, наглость и безместныя угрозы...» [2, с. 300]) и речь шла о принципиальной позиции адресанта, можно судить и по другому примеру.

Получив по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. карт-бланш (хотя султан использовал непонимание сущности халифата своими контрагентами и добился в тексте признания своего соответствующего статуса среди мусульман [10, с. 43]) в отношении Кабарды, Россия с 1777 г. приступила к строительству т. н. Азово-Моздокской укрепленной линии, отсекавшей от ведущего черкесского княжества большую часть его территории. Несмотря на понесенный в летней кампании 1774 г. урон [16, с. 146–147] и отсутствие какой-либо значимой внешнеполитической поддержки, правители Кабарды взяли курс на противодействие российским замыслам. С весны 1779 г. противостояние приобрело форму открытых военных действий. Кульминацией военной кампании явилась битва на Къетыкъуэ тӀуащӀэ (реке Малка) 10 октября (по григорианскому стилю) 1779 г., в ходе которой соединенные силы генералов Якоби и Фабрициана нанесли тяжелое поражение феодальному ополчению Большой Кабарды. Предвкушавшие скорую капитуляцию российские генералы вскоре были озадачены демаршем со стороны вроде бы поверженного противника. Участник кампании Густав фон Штрэндман вспоминал, что «после дела на Малке кабардинские князья начали вступать с нами в переговоры... Но требования их с каждым днем все возрастали и в конце ноября они даже написали губернатору дерзкое письмо» [17, с. 27]. Подобную аттестацию послание получило ввиду того, что черкесские князья, несмотря на понесенное поражение, осмеливались заявлять, что «от самых времен Иоанна Васильевича они никогда не были Российскими подданными, а находились так, как кунаки (гости или приятели) в покровительстве, и что и ныне желают покориться на тех же условиях» [18, с. 91]. О том, насколько позиция, изложенная в «дерзком письме», соотносилась с характером взаимоотношений, сложившихся в период до эскалации, можно судить и по другим источникам. Прежде чем продолжать, необходимо сделать оговорку относительно того, что тюркское слово *конак* (а переписку с внешним миром черкесы, как правило, осуществляли на тюрки) переводится как *гость*. Принимая во внимание этот факт, легче оценивать последовательность позиций правителей Кабарды в этот период.

Объемному взгляду на рассматриваемый предмет способствует смена ракурса: от марциальной риторики, подхлестываемой крайним обострением взаимоотношений с Империей в период турбуленций, к описанию сюжетов, развивавшихся в менее напряженные времена. Обратимся к заслуживающему пространной цитаты рассказу И. Д. Попко, содержащему важные детали затронутого здесь вопроса. Посвящен он тому, как, спасаясь от преследования, колония староверов направилась с Дона на юг – «на Куму». «При впадении в эту пресловутую реку притока Домузлова, – пишет Попко, – неподалеку от Маджарского городища, в крепком лесном месте казаки-раскольники в числе 1500 душ об[оего] пола построили себе городок со рвом и валом и для обороны его поделали деревянные пушки с железными обручами. Атаманом у них был Сенька Правоторов, а духовными руководителями старцы Феодосий и Пафнутий. Когда нужно было ратовать против преследователей, Пафнутий одевался в кабардинское платье и выезжал в поле на боевом коне. Выселение на Куму совершилось около 1680 года. Раскольники завели связи, «замарились» с казыевскими татарами и с князем Большой Кабарды Муртазали Мисостом, который объявил их своими «тегачами» («тихъэжI» – «наши гости». – Т.А.) гостями, пользующимися народным покровительством. Из его аулов они получили на первых порах посредством мены больше тысячи возов хлеба» [19, с. 88–89].

Можно привести и другой пример признания востребованности региональными акторами подобного модуса политического взаимодействия. Так, в сентябре 1752 г., на тот момент самый могущественный князь Большой Кабарды Хатокшоко Бомат направил аст-

раханскому генерал-губернатору И. О. Брылкину письмо в связи с пребыванием на территории княжества попавших в опалу двух крымских султанов. Черкесский князь, в частности, писал: «И также приказывали вы нам, чтоб мы беглых солтанов к себе не принимали. А те два салтана, пришед к нам, о себе объявили, что они к всепресветлейшей государыни нашей в *кунаки* пришли, и потому их объявления и согласия майора Татарова от нас им, салтанам, сказано, что от е.и.в. какое об них сказано нам повеление будет, потому и поступать будем. А мы их к себе не держали. И они, солтаны в вершине Кубани...» [20, с. 94].

К этому времени уже довольно давно ориентировавшееся на стандарты европейской конвенциональной дипломатии российское внешнеполитическое ведомство (впрочем, следовавшее им лишь на западном фланге своих границ) не воспринимало иррелевантным операциональные для региона модальности взаимодействия. В выписке из его указа российскому резиденту в Константинополе А. М. Обрезкову («Нота для Порты Оттоманской») по этому вопросу, в частности, отмечалось: «Блистательной Порте по предидущему сообщению уже известно, что по желанию её с российской императорской стороны не умешкано посылкаю в Кабарду для увещания и удержания тамошних владельцев от дальнейшего сообщения с объявившимися в непослушании кубанскими солтаны бывшим сержантом Сеадет-Гиреем и братом онаго Казы-Гиреем...

... Для того лутчаго успеху в том от губернатора астраханского в Кабарду вместо одного двое штаб-офицеров достойных отправлены, которые поданным им ордером прилежным старанием к тому делу привели, что из кабардинских владельцев первые, называемые баксанцы, помянутых солтанов, которых они по своему предьявлению, хотя и не подзывали, но с ними яко с *гостьми* обходились, однакож по учиненному им крепкому запрещению никак удерживать и споможения им чинить не стали. И от того отказали и таким похвальным послушанием должность свою исполнили. Почему помянутой Сеадет-Гирей солтан со обретавшимися при нем, не мешкав более, принужден из Кабарды выехать и обратнo идти на Кубань...» [14, с. 13].

Источники определяют место подобного механизма преодоления сложностей и во взаимоотношениях между акторами внутривполитического процесса. Так, в рапорте кизлярского коменданта бригадира Фрауендорфа от 3 июля 1753 г. сообщается об одной коллизии, возникшей между князьями Мисост и их вассалами – диженуго Шажоко. В частности, в нем отмечается, что последние «...по неудовольствию и нападкам братьей Месувовых (князя Мисост. – Т.А.) ... отдались по обычаем их в *канаки* в кашкатавскую партею (состоявшую из двух других княжеских родов группировку князей. – Т.А.)..., которые де ныне уже удовольствованы» [21, Л. 71].

О том, что подобная опция действительно составляла важный элемент внутривполитического дизайна в Кабарде, свидетельствует и следующая ситуация. Спустя несколько месяцев тот же автор, объясняя причины, препятствующие урегулированию отношений между двумя «партиями» в Кабарде, сообщал, что на первой же встрече стороны предьявляли претензии друг другу из-за князя Науруза из клана Мисост, «отдавшегося в *канаки* кашкатавской партии» [21, Л. 209]. Суть коллизии, по словам кизлярского коменданта, свелась к тому, что лидеры баксанской партии выдвинули предварительное условие для переговоров – выдача беглого князя Науруза. Кашкатауцы в свою очередь отговаривались, что «отослать оногo Науруза от себя невозможно как сущего их *канака*» [21, Л. 209].

Со временем российская сторона, признав эффективность индигенных механизмов в структуре регионального политического взаимодействия начала усваивать соответствующие паттерны. Иначе как апроприацией функциональной оснастки местных политических игроков сложно воспринять использование потенциала дееспособного института самими агентами имперского продвижения. Прагматично перенимая легитимные в регионе технологии политической активности, российский пристав в Большой Кабарде А. Е. Ураков брал под покровительство *бейголей*, искавших у него защиты от черкесских князей. Уве-

домляя об этом происшествии вышестоящее начальство, Ураков писал, что пока князя не удовлетворят требований возмутившихся бейголей, последние «...останутся моими *канаками* и перекочуют поблизости к моему лагерю» [22, с. 369].

Следует признать, что приведенные выше тексты за авторством черкесских политиков существенно расширяют рамку анализа исследуемого предмета. Симптоматично, что речь идет не о единичных прецедентах артикулирования индигенных паттернов политического взаимодействия. Вместе с тем требуется оговорка. Хотя выше мы апеллировали к письмам, несомненно, черкесского происхождения, следует иметь в виду, что на пути к своим адресатам они проходили процедуру двойного перевода (сначала с черкесского на тюрки, а затем с него на русский) с определенной вероятностью искажений их содержания. В этом плане представляется правомерным обратить внимание на важный (в своем роде эксклюзивный) документ, хранящийся в фондах Центрального государственного архива Кабардино-Балкарии, – прошение Бермамыт Аслануко, поданное начальнику Кабардинского округа в 1865 г. В нем речь шла о заурядном событии – пропаже лошади, но одно обстоятельство придает документу экстраординарный характер: написан он был на черкесском языке. Не вдаваясь в выяснение подробностей появления столь необычного текста, отметим лишь, что в весьма коротком и объяснимо неуклюжем по форме повествовании получил отражение тот аспект исторической действительности, который напрямую соотносится с затрагиваемой здесь проблематикой.

Обратимся к интересующему нас фрагменту источника.

«Мыр Бырмамыт Аслъэныкъуэ и тхъэусыхэ тхылъщ.

Сэ сынолъэу, зиусхъэн, гуццэгъу къыххопццго си тумэнтхумрэ сомилъырэ сыбгъэгъуэтыжынкIэ. С<ы>у<и>хъэццIэщ, алыхъым цхъэкIэ мы Юхум и щытыкIэр ариц...»

«Это жалоба Бермамыт Аслануко

Господин [начальник], обращаюсь с просьбой поспешествовать в возврате мне 57 рублей. Я твой гость, ради всевышнего дело обстоит так...» [23].

Обращение автора письма в «присутственное место» – инстанцию, воплощавшую имперсональный характер имперской машинерии, и подразумевавшееся такой инициативой наличие установки на разрешение проблемы в системе обезличенной бюрократической системы позволяют утверждать, что слово *гость* в тексте выступает не в своем прямом значении. Очевидно, что проситель своим обращением доводил до адресата надежду на покровительство с его стороны, и, соответственно, имплементация *гостевания* предполагала установление определенных отношений, заведомо не относившихся к «страноприимству».

Интерпретируя траектории расширенного понимания *хъэццIагъэ* (с уклоном на его политические аспекты), представляется оправданным исследование нарратива, содержащего прямое указание на наличие «куначеского» формата взаимодействия, сопроводить анализом источников, отражающих иные параметры взаимоотношений сторон, фиксировавшихся в российских документах как иерархизированные. Не впадая в искушение преувеличения, а тем более придания этому доказательной силы, коснемся следующего эпизода. Связан он с трактовками смысла военно-политических событий на левобережной Кубани в контексте оперирования здесь войск Большой Кабарды осенью 1787 г. Первую представляет российский бригадир И. Большой Горич, который был номинальным командующим экспедиционного корпуса. По завершении похода им был составлен доклад о его итогах на имя командующего Кавказским корпусом генерала П. А. Текелли. В поступившем на его имя рапорте от бригадира Ивана Большого Горича отмечалось: «Прошлого 1787-го года октября с 16-го числа выступил я ис Кабарды в поход вверенным мне войском кабардинским... Перешед за Кубань, во-первых, **покорили** злодейских народов бабсхерских (басхагских, т.е. абазинских. – Т.А.) владельцев с их подвластными народами... взяв от них аманатов 8 человек, отдал кабардинцам и, отобрав от них пленных наших мужеска и женскаго полу людей,

лошадей и рогатого скота и дал им на алкоране присягу, с тем, дабы российскому двору, также и кабардинцам всегда быть вернопослушными...

...**покорили** злодейских горских башильбайцов 800 дворов, взял от них 6 аманатов отдал кабардинцам пленных наших отобрал, а самих оных привел к присяге...» [2, с. 369].

В письме кабардинских пши и уорков Г. А. Потемкину эти же события описываются следующим образом: «...Приехал к нам бригадир Большой Горич, который в октябре месяце с нашим кабардинским войском... напали на... несогласных абазинцев / коих было шесть орд/ и на несколько орд башылбайцов. Всех их с помощью Божеею и силою нашей государыни разогнав победили.

...И по заключенному с ними **договору** захваченные в несогласное время российские пленные и скот сколько всего у них нашлось все возвращено Большому бригадиру Горичу» [24, с. 219].

Повествуя о дальнейшем развитии событий, черкесская знать сообщала о том, что «потом пошли в горы искать разбежавшихся капчатских (кипчакских. – Т.А.) татар, собрав их принудили написать **договор** и дать в верности залог сына главного мурзы и возвратить бригадиру Горичу взятых пред сим российских пленных и скот» [Там же]. Российский же офицер в свою очередь акцентировал внимание на том, что «...**покорили** (выделено нами. – Т.А.) кипчак аульных татарских мурз с их кочевными нагайцами 2000 кибиток, приведя всех мурз к присяге и взяв двух аманатов, отдал кабардинцам же. Сверх онаго принудили их дабы дали они российскому двору письменное обязательство, чтоб были всегда России вернопослушными...» [2, с. 369]. Стоит ли подчеркивать, что в приведенных текстах речь идет не просто о разности расстановки акцентов, но о принципиальных различиях восприятия политической реальности выучениками и агентами имперского (камерального) государства и представителями региональной политики.

Представляется, что соотносительный взгляд на два явственно различающихся «языка описания», обращенных на одно событие, позволяет расширить параметры контекстуализации рассматриваемого предмета. Имея расширенную рамку на историческую ситуацию (доминирующей характеристикой которой предстает базовая идиосинкратичность взаимодействовавших акторов и дискурсов), легче отслеживаются траектории осмысления института в черкесской лингвокультуре, известного как «хьэщIагъэ».

За последние два столетия сложилась устойчивая традиция исследования этого феномена в историко-этнографической литературе. Еще в 20-х гг. XIX в. С. М. Броневский приравнял слово «кунак» в контексте черкесской действительности к русскому «друг» [25, с. 127–128]. Спустя несколько лет посетивший Черкесию с разведывательными целями Г. В. Новицкий хотя и говорит о «свято чтимых» «правах гостеприимства» у «Адехе» (т.е. черкесов), артикулирует, скорее, «дружескую» ипостась хьэщIагъэ, при этом констатируя то обстоятельство, что «связывавшиеся таким образом узами гостеприимства называются в отношении друг другу Гаче (т.е. хьэщIэ. – Т.А.)» [26]. Авторы, имевшие возможность более глубокого погружения в черкесский политический контекст, также проводили последовательное различие между гостеприимством *per se* и иными практиками, маркировавшимися посредством той же номинации. Так, многолетний резидент в Черкесии Л. Люлье подчеркивал, что «право покровительства (куначества)... не следует смешивать с гостеприимством...» [22, с. 312]. Индигенный автор – Хан-Гирей Султан из своей «эмик-оптики» идет еще дальше – восьмую главу своего энциклопедического труда «Записки о Черкесии» он озаглавливает как «гостеприимство, покровительство и дружество», тем самым проводя четкую дистинкцию между сущностями, имевшими, разумеется, определенную общую грань значения, но не тождественными друг другу. Примечательно при этом, что слово «гость»/«кунак», как четкий маркер, опускается при пространном описании черкесского гостеприимства (чего не происходит, когда речь заходит о «покровительстве» и «дружестве»). При этом касаясь «дружества», он ограничивается тези-

сом Броневского о том, что оно «есть главное звено их политических соотношений». Видимо, считая такое положение самоочевидным, автор воздерживается от комментариев и дополняет пространную цитату из него лишь сообщением о проклятии, обращенном к нарушителям союзнических уз: «Бог дружбы да накажет злодея!» [27, с. 329–334]. За несколько десятилетий до них П. Г. Бутков затронул вопрос о «странопримстве» у черкесов. Согласно и его трактовке «куначество» определялось через русское слово «дружба» [28, с. 40]. Впоследствии вопрос о об онтологическом статусе явления/явлений, бытовавшего у черкесов под матричным названием хьэщIагъэ (оно же *куначество*) периодически попадал в орбиту исследовательского интереса историков. В советский период довольно пристальное внимание ему уделено, к примеру, М. О. Косвен [29, с. 126–130], В. К. Гарданов [22, с. 289–327] и Е. Дж. Налоева [30, с. 143–152]. Анализируя кавказоведческие штудии, фокусировавшиеся на «гостеприимстве» и «куначестве» в предыдущий период, В. Х. Кажаров сформулировал, пожалуй, главный на тот момент исследовательский нерв по данному предмету: «Различия во взглядах на этот институт во многом объясняются тем, что между ним и традиционным гостеприимством трудно провести резкую грань» [31, с. 369]. Со времени выдвижения этого тезиса прошло без малого три десятилетия. Принимая во внимание расширение источниковой базы и сложившиеся за этот период новые научные подходы, представляется продуктивным исследовательский интерес с расщепления «куначества» на «этнографические» феномены «гостеприимства» и «покровительства» перенести на разграничение последнего с «дружеством-союзничеством» как сущностей политической природы и выявление их соотношения в каждый конкретный период динамичного взаимодействия региональных акторов. Представляется, что содержание привлеченных (и ждущих своего более пристального анализа) исторических источников, так или иначе отражающих взгляды индигенных игроков, не противоречит подобной презумпции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 19. Москва, 1963. 780 с.
2. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М., 1957. 423 с.
3. Брун М. Подданство // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Т. XXIV. СПб., 1898. С. 70–73.
4. Гессен В. М. Подданство, его установление и прекращение. Т. I. СПб., 1909.
5. Каптанов С. М. Государь и подданные на Руси в XIV – XVI вв. // In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 217–229.
6. Марасинова Е. Н. «Могу быть подданным, даже рабом, – но холопом не буду и у царя небесного»: власть и личность в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 2016. № 5.
7. Марасинова Е. Н. К истории политического языка в России XVIII века // Отечественная история. Москва, 2005. С. 3–16.
8. Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. Москва, 2007. 254 с.
9. Ходарковский М. В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. Москва, 2012. 951 с.
10. Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А. И. Миллера Москва: Новое издательство, 2004. 384 с.

11. Суни Р. Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва: Наука, 2007. 601 с.
12. Kappeler A. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. Москва, 2000. 334 с.
13. Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. Bis 19. Jahrhundert. Köln; Wien. 1982. P. 6.
14. Российско-сеveroкавказские отношения в XVIII веке 2013 – Российско-сеveroкавказские отношения в XVIII веке: Сб. док-тов / Составитель, автор предисловия, комментариев и именного указателя И. И. Якубова. Т. II. Нальчик, 2013. 224 с.
15. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115. Кабард. дела. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 4.
16. Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость (исторический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. 212 с.
17. Густав Фон Штрэндман, Записки Густава Фон Штрэндмана // Кавказская война: истоки и начало. 1770 – 1820 годы. СПб., 2002. 549 с.
18. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссией. Т. I. Тифлис, 1866. 816 с.
19. Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. I. Гребенское войско. Нальчик, 2001. 525 с.
20. Российско-сеveroкавказские отношения в XVIII веке 2011 – Российско-сеveroкавказские отношения в XVIII веке: Сб. док-тов / Составитель, автор предисловия, комментариев и именного указателя И. И. Якубова. Т. I. Нальчик, 2011. 195 с.
21. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115/1. Кабард. дела. 1753. Оп. 115/1. Д. 7. Л. 209.
22. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). Москва, 1967. 326 с.
23. URL: <http://userdocs.ru/istoriya/108736/index.html?page=4>.
24. Кармов Р. К. Абаза на Северном Кавказе (исследования и источники). Нальчик, 2020. 404 с.
25. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Москва, 1823. 465 с.
26. Новицкий Г. В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом адехе // Тифлиссские ведомости. 1829. № 25.
27. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 2008. 363 с.
28. Бутков П. Г. Неопубликованная рукопись П. Г. Буткова по истории Кабарды / Сост. Кармов Р. К. Нальчик, 2020. 209 с.
29. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. Москва, 1967. 263 с.
30. Налоева Е. Дж. К вопросу о термине «кунак» // УЗКБГУ. Нальчик, 1971. Вып. 43. С. 143–152.
31. Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994. 437 с.

REFERENCES

1. Solovyov S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since ancient times]. Book X. T. 19. Moscow, 1963. 780 p. (In Russian)
2. *Kabardino-russkiye otnosheniya v XVI – XVIII vv.* [Kabardino-Russian relations in the 16th – 18th centuries]. Documents and materials in 2 volumes. V. II. Moskow, 1957. 423 p. (In Russian)

3. Brun M. Allegiance // *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Ed. F.A. Brockhaus, I.A. Efron. V. XXIV. St. Petersburg, 1898. Pp. 70–73. (In Russian)
4. Gessen V.M. *Poddanstvo, yego ustanovleniye i prekrashcheniye* [Allegiance, its establishment and termination]. V. I. St. Petersburg, 1909. (In Russian)
5. Kashtanov S.M. Sovereign and subjects in Rus' in the XIV – XVI centuries // In memoriam: in memory of Ya. S. Lurie. St. Petersburg, 1997. Pp. 217 – 229. (In Russian)
6. Marasina E.N. “I can be a subject, even a slave, but I will not be a surf even to the king of heaven”: power and personality in Russia of the 18th century. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. 2016. No. 5. (In Russian)
7. Marasina E.N. On the history of political language in Russia in the 18th century // *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history]. Moskow, 2005. Pp. 3–16. (In Russian)
8. Trepavlov V.V. “*Belyy tsar*”: *obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [“The White Tsar”: the image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia in the 15th–18th centuries]. Moskow, 2007. P. 197. 254 p. (In Russian)
9. Khodarkovsky M. *V chem Rossiya “operezhala” Yevropu, ili Rossiya kak kolonial'naya imperiya* [In what ways was Russia “ahead” of Europe, or Russia as a colonial empire]. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, inside. Practices of internal colonization in the cultural history of Russia]. Ed. Alexander Etkind, Dirk Uffelmann, Ilya Kukuln. M., 2012. 951 p. (In Russian)
10. Riber A. *Sravnivaya kontinental'nyye imperii* [Comparing continental empires]. Russian Empire in comparative perspective. Collection of articles. Ed. A.I. Miller Moskow: Novoye izdatel'stvo, 2004. 384 p. (In Russian)
11. Suni R.G. *Imperiya kak ona yest': imperskiy period v istorii Rossii, «natsional'naya» identichnost' i teorii imperii* [Empire as it is: the imperial period in the history of Russia, “national” identity and theories of empire]. Nationalism in world history / Ed. V.A. Tishkova, V.A. Shnirelman; Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay RAS. Moskow: Nauka, 2007. 601 p. (In Russian)
12. Kappeler A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknoveniye. Istoriya. Raspad* [Russia is a multinational empire. Emergence. Story. Demise. Moskow, 2000. 334 p. (In Russian)
13. Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Volker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Koln; Wien. 1982. P. 6.
14. *Rossiysko-severokavkazskiye otnosheniya v XVIII veke 2013 – Rossiysko-severokavkazskiye otnosheniya v XVIII veke* [Russian-North Caucasian relations in the 18th century 2013 – Russian-North Caucasian relations in the 18th century]: Sb. dok-tov / sostavitel', avtor predisloviya, kommentariyev i imennogo ukazatelya I. I. Yakubova. V. II. Nalchik, 2013. 224 p. (In Russian)
15. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire. F. 115/1. Kabard. affairs. 1753. Op. 115/1. D. 7. L. 209. (In Russian)
16. Grabovsky N.F. *Prisoyedineniye k Rossii Kabardy i bor'ba yeya za nezavisimost' (istoricheskiy ocherk)* [The accession of Kabarda to Russia and its struggle for independence (historical sketch)]. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh*. Vol. IX. Tiflis, 1876. 212 p. (In Russian)
17. Gustav von Strandmann, *Zapiski Gustava Fon Shtrandmana* [Notes of Gustav von Strandmann]. *Kavkazskaya voyna: istoki i nachalo. 1770–1820 gody* [Caucasian War: origins and beginning. 1770–1820]. St. Petersburg, 2002. 549 p. (In Russian)
18. *Akty, sobrannyye Kavkazskoyu Arkheograficheskoyu komissiyey* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. V. I. Tiflis, 1866. 816 p. (In Russian)
19. Popko I.D. *Terskiye kazaki so starodavnikh vremen* [Terek Cossacks from ancient times]. Vol. I. Grebensky army. Nalchik, 2001. 525 p. (In Russian)

20. *Rossiysko-severokavkazskiyе otnosheniya v XVIII veke 2011 – Rossiysko-severokavkazskiyе otnosheniya v XVIII veke* [Russian-North Caucasian relations in the 18th century 2011 – Russian-North Caucasian relations in the 18th century]: Sb. dok-tov / sostavitel', avtor predisloviya, kommentariyev i imennogo ukazatelya I. I. Yakubova. V. I. Nalchik, 2011. 195 p. (In Russian)
21. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii* [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. F. 115. Kabard. affairs. Op. 115/1. D. 11. L. 4. (In Russian)
22. Gardanov V.K. *Obshchestvennyy stroy adygskikh narodov (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Social structure of the Adyghe peoples (XVIII – first half of the XIX century)]. Moscow, 1967. 326 p. (In Russian)
23. URL: <http://userdocs.ru/istoriya/108736/index.html?page=4>.
24. Karmov R.K. *Abaza na Severnom Kavkaze (issledovaniya i istochniki)* [Abaza in the North Caucasus (research and sources)]. Nalchik, 2020. 404 p. (In Russian)
25. Bronevsky S.M. *Noveyshiye geograficheskiye i istoricheskiye izvestiya o Kavkaze* [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. Moscow, 1823. 465 p. (In Russian)
26. Novitsky G.V. Geographical and statistical review of the land inhabited by the Adhe people. *Tiflisskiye vedomosti* [Tiflis Gazette]. 1829. No. 25. (In Russian)
27. Khan-Girey. *Zapiski o Cherkessii* [Notes about Circassia]. Nalchik, 2008. 363 p. (In Russian)
28. Butkov P.G. *Neopublikovannaya rukopis' P.G. Butkova po istorii Kabardy* [Unpublished manuscript by P.G. Butkov on the history of Kabarda]. Comp. Karmov R.K. Nalchik, 2020. 209 p. (In Russian)
29. Kosven M.O. *Ethnography and history of the Caucasus. Research and materials.* Moscow, 1967. 263 p.
30. Naloeva E. G. On the issue of the term “kunak”. UZKBGU. Nalchik, 1971. Issue. 43. Pp. 143–152. (In Russian)
31. Kazharov V.Kh. *Traditsionnyye obshchestvennyye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka* [Traditional social institutions of Kabardians and their crisis at the end of the 18th – first half of the 19th century]. Nalchik, 1994. 437 p. (In Russian)

Информация об авторе

Алоев Тимур Хазраилович, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора средневековой и новой истории, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН;

360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18;

aloevtim@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4853-2589>

Information about the author

Aloev Timur Khazrailovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Sector of Medieval and Modern History of the Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street;

aloevtim@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4853-2589>